

Использование мысленных экспериментов в современной экспериментальной философии

Д. Н. Дроздоваⁱ

ⁱНациональный исследовательский университет Высшая школа экономики
Москва

Аннотация: Мысленные эксперименты активно используются в качестве способа аргументации не только в науке, но и в современной философии. В философском мысленном эксперименте вымышленные ситуации служат для проблематизации или уточнения дискуссионных философских понятий и положений. Широкое распространение получила техника оценки вымышленных ситуаций в современном движении, получившем название «экспериментальная философия». В нем базовые философские категории обыденного сознания анализируются посредством опросов представителей разных национальных и социальных групп. Однако могут быть поставлены под сомнение как релевантность полученных результатов для философии, так и правомерность отнесения используемого подхода к мысленным экспериментам.

Ключевые слова: экспериментальная философия, мысленный эксперимент.

Введение

Человеку свойственно постигать реальность не только путем ее непосредственного восприятия, изучения и модификации, но и при помощи рациональных построений. Чтобы высказать что-то значимое об окружающем мире, мы идеализируем, абстрагируем, конструируем концепты и теории, а потом — пользуемся плодом этих мысленных упражнений, чтобы иметь возможность уверенно существовать в этом мире и воздействовать на него предсказуемым образом. Сама по себе способность человека эффективно взаимодействовать с реальностью посредством теоретических построений достойна удивления, но еще большее удивление вызывает тот факт, что значимую информацию о реальности мы способны получать при помощи особой техники, которая сочетает в себе использование дедукции и воображения и получила название «мысленный эксперимент».

Одним из наиболее известных примеров такого использования нашего мышления может служить мысленный эксперимент с падающими телами, который приводит Галилей. С его помощью он стремится опровергнуть приписываемый Аристотелю тезис о том, что в одинаковой среде тяжелые тела будут падать быстрее легких. В «Беседах и математических доказательствах, касающихся двух новых отраслей науки» Галилей устами Сальвиати заявляет:

... И без дальнейших опытов путем краткого, но убедительного рассуждения мы можем ясно показать неправильность утверждения, будто тела, более тяжелые, движутся быстрее, нежели более легкие... (Галилей, 1934, с. 143–144).

Далее Сальвиати обращается к рассмотрению двух камней разного веса, которые, согласно мнению его оппонента Симпличио, должны падать с одной высоты за разное время: тяжелый быстрее легкого. Однако анализ воображаемой ситуации показывает, что мы должны прийти в этом случае к противоречию:

... Если... верно, что большой камень движется, скажем, со скоростью в восемь «градусов», тогда как другой, меньший, — со скоростью в четыре «градуса», то соединяя их вместе, мы должны получить скорость, меньшую восьми «градусов»; однако два камня, соединенные вместе, составляют тело большее первоначального, которое имело скорость в восемь «градусов», следовательно, выходит, что более тяжелое тело движется с меньшей скоростью, чем более легкое; а это противно вашему предположению (Галилей, 1934, с. 144–145).

Это изящное рассуждение ставит не только Симпличио, но и читателя перед фактом, что для того чтобы делать осмысленные высказывания о реальности, иногда можно прибегать не только к реальным экспериментам, но и к вымышленным. Результат при этом будет даже более достоверным, поскольку доказательная сила мысленного эксперимента в меньшей степени зависит от начальных условий, чем в случае эксперимента реального.

Со времен Галилея мысленные эксперименты получили довольно широкое распространение в науке: достаточно вспомнить такие примеры, как демон Максвелла, лифт Эйнштейна, кот Шрёдингера и многие другие. Однако мысленные эксперименты активно используются и в философии — в последние десятилетия они стали одним из наиболее ходовых способов аргументации и контраргументации в аналитической философии. Построение аргумента на основании воображаемой ситуации часто встречается в эпистемологии, онтологии, этике и других областях философии. Можно даже сказать, что мысленные эксперименты — одна из отличительных характеристик философской методологии, поскольку они позволяют придать наглядность и убедительность абстрактным философским построениям.

Помимо традиционного использования мысленных экспериментов в качестве способа аргументации, в последнее десятилетие получило распространение обращение к мысленному эксперименту в контексте новой исследовательской практики, возникшей на стыке философии, психологии и социологии: она

получила название «экспериментальная философия» (подробнее см. (Дроздова, 2016)). Одна из задач, которые ставит перед собой современная экспериментальная философия (*x-phi*), заключается в исследовании мнений обычных людей по поводу важных философских концептов (так называемых интуиций обыденного сознания) при помощи методов психологии и социологии. В силу широкого использования опросов отдельными представителями этого направления *x-phi* также именуется опросной философией (Ludwig, 2017, p. 386). При этом предметом опросов становится понимание участниками разнообразных философских концептов, выявляемое при помощи мысленных экспериментов.

В данной статье мы рассматриваем основные способы использования мысленных экспериментов в современной экспериментальной философии, а также ставим вопрос о границах и значении этого подхода. В первом разделе статьи дается обзор разных способов классификации мысленных экспериментов и указывается, какой тип мысленных экспериментов становится предметом обсуждения в экспериментальной философии. Во втором разделе мы рассматриваем основные характеристики экспериментальной философии и приводим примеры обращения к мысленным экспериментам в контексте этого подхода. В заключении проводится критический анализ использования мысленных экспериментов для изучения интуиций обыденного сознания.

1 Типология мысленных экспериментов

Использование мысленных экспериментов в науке и философии широко обсуждается еще со времен Эрнста Маха (Mah, 1909). На протяжении последнего столетия выдвигались также различные описания и классификации мысленных экспериментов или способов их использования. Например, Карл Поппер в приложении XI к «Логике научного исследования», которое озаглавлено «Об употреблении и злоупотреблении мысленными экспериментами, особенно в квантовой теории», различает *критическое*, *эвристическое* и *апологетическое* использование мысленных экспериментов в науке (Поппер, 2005). Примером *критического* использования мысленного эксперимента служит приведенное выше рассуждение Галилея, в котором он показывает несостоятельность положения аристотелевской физики о зависимости скорости падения тел от их веса. При таком использовании мысленных экспериментов цель — показать, что «автор [критикуемой] теории не заметил некоторых возможностей» (Поппер, 2005, с. 398) или содержащихся в теории противоречий. При *эвристическом* использовании мысленный эксперимент служит для пояснения, иллюстрации или объяснения теории, а также для указания на возможные следствия из нее. Такое использование мысленного эксперимента мы находим, например, у Эйнштейна, когда он использует образ движущегося с ускорением лифта для того, чтобы сначала проиллюстрировать тезис об эквивалентности ускоренного движения и гравитации, а затем показать, что в поле тяготения мы будем наблюдать искривление траектории движения света.

Если критическое и эвристическое использование мысленных экспериментов в науке Поппер считает законным, то *апологетическое* использование подвер-

гает критике. Хотя в апологетическом использовании мысленный эксперимент также привлекается, чтобы подвергнуть критике или проиллюстрировать некоторую теорию, с точки зрения Поппера ему при этом придается значение самостоятельного аргумента, который может быть использован для защиты и обоснования теории. Такое использование может становиться проблематичным, если дискутирующие стороны недостаточно внимательно относятся к предположениям и идеализациям, которые лежат в основе всякого мысленного эксперимента.

Классификация Поппера основана на различии способов использования мысленных экспериментов в научной аргументации. Наиболее авторитетный современный специалист по мысленным экспериментам Джеймс Роберт Браун также предлагает делить мысленные эксперименты согласно их функции и различает «деструктивные» и «конструктивные» мысленные эксперименты (Brown, 2005, p. 33). *Деструктивные* мысленные эксперименты соотносятся с критическим использованием по Попперу. Это тип рассуждения, который, анализируя вымышленную ситуацию в рамках заданной теории, производит *reductio ad absurdum*, то есть выявляет наличие скрытых противоречий или несогласованность теории с привычными представлениями или здравым смыслом. Примером такого мысленного эксперимента может служить кот Шрёдингера: в этом эксперименте Шрёдингер не доказывает ложность или несогласованность квантовой теории, но показывает, что включение в нее объектов макромира приводит к контринтуитивным заключениям (Brown, 2005, p. 36).

Конструктивные мысленные эксперименты служат, напротив, для позитивного подкрепления теории и соотносятся с эвристическим использованием по Попперу. Они также могут выступать иллюстрацией определенных положений теории, чтобы придать им убедительности. Такое обращение к мысленному эксперименту мы можем найти у Джудит Томсон (Thomson, 1971). Томсон предлагает нам представить ситуацию, когда мы помимо нашей воли оказываемся привязанными при помощи медицинского аппарата к известному музыканту, у которого отказали почки. На полное выздоровление требуется 9 месяцев, и все это время наши почки должны очищать кровь больного вместо его собственных. Если аппарат будет отключен, то музыкант умрет. Томсон ставит вопрос: означает ли это, что мы морально обязаны пожертвовать обыденным ходом своей жизни ради поддержания жизни этого музыканта? При помощи этого мысленного эксперимента Томсон выявляет концептуальное различие между правом на жизнь и правом на реализацию этого права ценой свободы или ограничения жизни другого.

Браун, в отличие от Поппера, не останавливается на этом делении, но детализирует классификацию и указывает, что конструктивные мысленные эксперименты делятся, в свою очередь, на опосредующие (*mediative*), предположительные (*conjectural*) и прямые (*direct*)¹. *Опосредующие* мысленные эксперименты играют роль иллюстраций, которые на конкретном примере демонстрируют необходимые следствия из некоторой разработанной теории (Brown 2005, p. 36). Браун уподобляет их диаграммам или геометрическим чертежам, кото-

¹Мы пользуемся переводом данных терминов, который был предложен В. П. Филатовым (Филатов, 2010).

рые делают абстрактные теоретические построения яснее и понятнее, а также позволяют нащупать ходы для более формальных доказательств. К таким мысленным экспериментам могут быть отнесены разнообразные примеры с движущимися объектами, которые позволяют нам осознать, насколько мир объектов специальной теории относительности отстоит от привычного нам мира низких скоростей. В отличие от опосредующих мысленных экспериментов, *предположительные* не отталкиваются от известной теории, а указывают на необходимость ее появления. В рамках такого мысленного эксперимента выявляется гипотетическое явление, которое нуждается в объяснении (Brown, 2005, p. 40). Подобным мысленным экспериментом Браун считает мысленный эксперимент Ньютона с вращающимся ведром, где наблюдаемое смещение воды в условиях сохранения взаимного расположения частей системы «вода — ведро» нуждается в объяснении при помощи апелляции к реально возникающему движению относительно абсолютного пространства. Последний тип конструктивных мысленных экспериментов — *прямые* мысленные эксперименты — также должен приводить к появлению теории, но в его фокусе находятся не гипотетические, а реальные ситуации — падение тяжелых тел, соударение подвешенных шаров, движение в лифте как в гравитационном поле.

Особое место в классификации Брауна занимают «*платоновские*» мысленные эксперименты, которые одновременно выполняют роль и деструктивных, и конструктивных (Brown, 2005, p. 43). Основным примером такого типа экспериментов становится для Брауна мысленный эксперимент Галилея с падающими телами, который показывает несостоятельность традиционной схоластической картины падения тяжелых тел, где скорость падения зависит от веса тела, и вместе с этим устанавливает новую теорию падения, согласно которой тела одного рода должны падать одновременно независимо от их веса. Именно платоновские эксперименты, по мнению Брауна, являются наиболее интересными и проблематичными, поскольку они допускают возможность установления законов природы лишь при помощи воображения и рассуждения.

Представленные выше классификации рассматривают мысленные эксперименты как универсальную технику рассуждения, вариации в которой зависят от аргументативной цели, но не от области ее применения. Альтернативный подход к классификации мысленных экспериментов предлагает профессор психологии и когнитивных наук Йельского университета Тамар Сабо Гендлер (Szabó Gendler, 2000, p. 25). Для нее существует заметное различие между теми мысленными экспериментами, которые используют ученые, и теми, которые пользуются популярностью у философов. С ее точки зрения, классификацию мысленных экспериментов следует производить на основании трех основных вопросов, на которые они пытаются ответить. Эти вопросы следующие:

- 1) «Что должно произойти?» На этот вопрос пытаются ответить *фактуальные* мысленные эксперименты, которые получили распространение в науке. Примером опять может служить мысленный эксперимент Галилея, в котором содержится вопрос «Что должно произойти в случае свободного падения двух тел разного веса?»;

- 2) «Если это произошло, то как мы должны это описать?» С этим вопросом имеют дело *концептуальные* мысленные эксперименты, которые применяются в философии. Например, если в процессе ремонта происходит постепенная замена досок корабля Тезея, то можем ли мы считать, что он сохраняет идентичность? Или если мое убеждение в каком-то положении дел соответствует действительности и является подкрепленным, то всегда ли я могу описать это как «знание»?;
- 3) «Если это произошло, то как мы должны это оценить?» Этот тип вопроса рассматривается в *оценочных* мысленных экспериментах, которые распространены в этике и эстетике. В этой оптике может быть рассмотрен мысленный эксперимент Джудит Томсон с большим скрипачом («Является ли морально допустимым отказаться быть частью медицинского аппарата, который поддерживает жизнь скрипача?») или мысленный эксперимент с вагонеткой, предложенный Филиппой Фут и разработанный той же Джудит Томсон (Thomson, 1985).

Типология, которую использует Сабо Гендлер, позволяет яснее обозначить то различие, которое существует между мысленными экспериментами в науке и философии. Действительно, если в науке мысленные эксперименты часто становятся интегральной частью господствующей парадигмы, а их интерпретация является предметом дискуссии только в период установления консенсуса по поводу затрагиваемых ими теорий, то в философии мысленные эксперименты в большей степени используются для того, чтобы поставить вопрос и спровоцировать дискуссию, а не указать единственный правильный ответ.

Как и в науке, в философии у мысленных экспериментов есть разнообразные функции. Некоторые из них позволяют прояснить или проблематизировать использование определенных понятий. Другие используются для установления логических взаимосвязей между понятиями или положениями. Третьи вскрывают существование неявных предположений или убеждений в некоторых рассуждениях и аргументах. Вымышленные ситуации, которые используют философы, можно сравнить с зондом, при помощи которого исследуются философские концепции. Но этот инструмент может быть использован не только для того, чтобы заставить коллег-философов подбирать все более отточенные аргументы. Появившееся в последнее десятилетие направление экспериментальной философии обращается к мысленным экспериментам как к инструменту исследования философских представлений «обычных людей», представителей разных социальных и национальных групп, чтобы выявить сходства и различия в том, как обыденное сознание оперирует базовыми философскими концептами. И здесь мысленный эксперимент перестает противопоставляться реальным экспериментам, а становится их частью.

Суть метода экспериментальной философии заключается в том, что группе определенным образом выбранных людей предлагается рассмотреть некоторые вымышленные ситуации, которые зачастую отсылают к известным мысленным экспериментам из философской литературы. Поскольку философские мысленные эксперименты, как указывает Сабо Гендлер, ориентированы на открытые

вопросы типа «Как мы можем описать или оценить то, что произошло?», участники опросов сталкиваются с необходимостью дать самостоятельное описание или оценку ситуации, опираясь на интуитивное и зачастую неотрефлексированное понимание тех концептов, которые выносятся на рассмотрение создателями опроса. В следующем разделе мы подробнее рассмотрим, как работает эта техника на примере двух недавних исследований, посвященных изучению обыденных представлений о сохранении идентичности материальных предметов и распространенности интуиции Геттиера о различении знания и обоснованного истинного мнения.

2 Мысленные эксперименты в экспериментальной философии

Современное движение под названием «экспериментальная философия» (*x-phi*) — явление хоть и недавнее, но уже получившее признание. С философией его роднит интерес к метафизическим и эпистемологическим концептам, но методы, при помощи которых экспериментальные философы изучают эти концепты, приходят из психологии и социологии.

Считается, что первым образцом исследования, выполненного в русле экспериментальной философии, является работа Джонатана Вайнберга, Шона Николса и Стивена Стича «Нормативность и эпистемическая интуиция» (Weinberg, Nichols, Stich, 2001). В этой работе они предложили проанализировать культурные различия в понимании таких эпистемических концептов, как «знание», «убежденность», «рациональность», у студентов университета им. Г. Рутгерса в Нью-Джерси. Участникам разных национальностей предлагались задания, в которых их просили высказать свое мнение о том, обладает ли действующее лицо той или иной вымышленной ситуации истинным знанием или же оно только верит в истинность своих убеждений? Например, в одной из историй, предложенных студентам, действующее лицо получает такие повреждения мозга, которые позволяют ему безошибочно определять температуру окружающей среды, однако механизм того, как это происходит, остается для него неясен. Студентов спрашивали, можно ли в этом случае сказать, что действующее лицо истории *знает* температуру воздуха в комнате или же он только *верит*, что температура такова, какой ему кажется? В исследовании было показано, что между американскими и азиатскими студентами существует значимая статистическая разница при ответе на этот вопрос: азиатские студенты в большей степени склонны отрицать наличие знания в этой ситуации.

Авторы этого исследования исходили из того, что использование эпистемических, онтологических или этических концептов не является прерогативой узкого класса профессиональных философов, за которыми должно оставаться последнее слово об их значении и области применения. Философы пытаются разобраться в том, что такое знание, поскольку знание важно для нашей повседневной жизни и любой разумный и мыслящий человек пытается сформулировать для себя его критерии. Философам, однако, кажется, что при помощи своих умозрительных построений они способны постичь истинное содержание

философских концептов лучше, чем это делает обыденное сознание и здравый смысл. Между тем свое представление об обыденном сознании и здравом смысле философ чаще всего строит на основании наблюдений за собой и своим ближайшим окружением — и это вносит огромные искажения в то, как философ представляет себе «интуиции, согласующиеся со здравым смыслом». Исправить «близорукость» «кабинетной» философии — такова была изначальная задача экспериментальной философии.

Мысленные эксперименты оказались прекрасным средством для анализа тонкостей базовых эпистемических и онтологических установок, свойственных как отдельным людям, так и разным культурам. Типичное исследование, выполненное в духе экспериментальной философии, выглядит следующим образом. Обрисовывается некоторая теоретическая проблема, которая существует в философии, и указывается, что философская аргументация исходит из некоторых предположений о том, что в этой проблеме противоречит или соответствует «здравому смыслу». Затем разрабатывается серия заданий (вымышленных историй, которые зачастую базируются на известных философских мысленных экспериментах), в которых требуется применить некоторый философский концепт к воображаемой ситуации. Далее проводится опрос в рамках некоторой выборки, в которой существует различие по некоторым заданным параметрам (социальное положение, пол, возраст, национальная или этническая принадлежность и т. д.). Полученные данные анализируются статистическими методами для выявления значимых различий в использовании философских концептов в разных группах. В завершение предлагается интерпретация результатов.

Особенно значимо, что используемые при опросе вымышленные ситуации не предполагают однозначного и единственно верного ответа. Именно это качество, как мы видели, свойственно мысленным экспериментам, которые используются в философии. У разных участников опроса могут быть свои основания для выбора того или иного решения. Если бы мы действовали в русле традиционной философии, то нас могли бы интересовать аргументы, которые стоят за этим выбором. Но для экспериментального философа не имеют значения индивидуальные мотивы и предпочтения. Его интересует общая картина распределения ответов, при помощи которой могут быть выявлены статистически значимые вариации в ответах разных групп или в решении разных заданий. Эти различия, выявляемые при помощи статистического анализа, позволяют указать на неоднозначность тех «интуиций здравого смысла», к которым апеллируют «кабинетные» философы.

В качестве первого примера подобного исследования рассмотрим работу Дэвида Роуза «Сохранение идентичности через сохранение функциональности» (Rose, 2015). Роуз исследует, каким образом в представлении обыденного сознания мыслится сохранение идентичности (persistence) материальных предметов. Он выдвигает предположение, что обыденное мышление является «телеологическим», то есть в нем идентичность предмета в большей степени определяется сохранением его функций, а не других параметров (например, непрерывностью существования). Чтобы показать это, он разрабатывает серию мысленных экспериментов, в которых испытуемых просили определить, какой предмет явля-

ется «тем самым» предметом. Воображаемые ситуации были разбиты на три группы по типу предмета, который в них рассматривался: лодка, органическое тело или камень. Основная канва всех предлагаемых историй воспроизводила историю корабля Тезея, когда после замены всех досок в корабле мы могли столкнуться с ситуацией его раздвоения: один корабль был «все тем же» кораблем, но подвергшимся реставрации, а другой корабль мы могли собрать из старых досок, получив вновь «тот же» корабль. Какой из этих кораблей должен считаться «кораблем Тезея»?

Роуз в каждой группе заданий сформулировал три ситуации: (1) вопрос о функциональности не ставится, (2) функциональность сохраняется при замене частей, (3) функциональность сохраняется у оригинальных частей. Проиллюстрируем эти различия на примере с лодкой (Rose, 2015, p. 124–125). В этой истории речь идет о лодке под названием «Дрифтер», которую ее владелец Джон построил 30 лет назад. За прошедшее время Джон успел поменять в ней все части на новые, а из старых 5 дней назад собрал еще одну такую же лодку. К Джону приходят друзья, Энди и Сьюзи, которые хотят взять «Дрифтер» для прогулки на озере. Джон приводит их в сарай, где стоят две лодки — и тут между Энди и Сьюзи возникает спор о том, какая из лодок должна считаться «Дрифтером». Энди считает, что «Дрифтер» — лодка, собранная из старых частей, поскольку это исходные части «Дрифтера», расположенные именно в том порядке, который был придан им 30 лет назад. Сьюзи считает, что «Дрифтер» — отреставрированная лодка, поскольку именно она была создана 30 лет назад, а замена износившихся частей — это нормальная процедура содержания лодки. В двух других модификациях этой истории вводилось дополнительное описание характеристик рассматриваемых лодок. В одном случае указывалось, что именно отреставрированный «Дрифтер» нормально функционирует как лодка, тогда как новый «Дрифтер», собранный из старых частей, плавает плохо. В другом случае, наоборот, реставрация привела к плачевному эффекту — у лодки появились протечки, тогда как собранная из старых частей лодка прекрасно держится на воде.

Аналогичные ситуации были описаны в историях про органическое тело и камни. В случае с органическим телом Джон был биологом, который исследовал свойства некоторого организма под названием «Голливаг». Джон постепенно заменял части этого организма частями другого, но схожего организма, а впоследствии из отделенных частей создал новый организм. Здесь Энди и Сьюзи были ассистентами, которые должны решить, какой из организмов должен стать объектом их исследования в качестве «Голливага». В истории с минералом аналогичным трансформациям подвергался камень, именуемый «Зенит». В модификациях истории, где рассматривалась функциональность, дополнительно указывалось, что либо прежний, либо новый объект обладал способностью исцелять экзему (организм) или флюоресцировать (минерал).

Эти истории предлагались участникам эксперимента, которые были разбиты на группы приблизительно по 35 человек в каждой. Каждой группе предлагалось ознакомиться с одним заданием из девяти и выразить свое согласие с Энди или Сьюзи по 7-бальной шкале. Если в случае с лодкой участник считал, что

Энди прав и именно вновь собранная из старых частей лодка является «Дрифтером», то он указывал 7 баллов, а если участник был полностью согласен со Сьюзи, что реставрировавшаяся лодка является «Дрифтером», то он указывал 1 балл. Очевидно, что в ситуации равного распределения симпатий средний балл должен быть близок к 4. Именно такой результат был получен в том варианте задания, где не обсуждалась пригодность лодок к плаванию (среднее значение $m = 3,75$, среднеквадратичное отклонение $\sigma = 2,06$). Не вызывает удивления и то, что в случае сохранения функциональности у отреставрированной лодки испытуемые проявляли склонность согласиться со Сьюзи ($m = 2,79$, $\sigma = 1,77$), а при сохранении функциональности у лодки, собранной из старых частей, испытуемые чаще соглашались с Энди ($m = 5,03$, $\sigma = 2,22$).

Понятно, что подобное исследование позволяет выявить лишь очевидное — что люди предпочитают плавающие лодки неплавающим. Тогда автор исследования несколько модифицировал предлагаемые истории, чтобы исключить фактор «пригодности». В новом варианте истории с лодкой Энди и Сьюзи были художниками, которые хотели нарисовать «Дрифтер». Однако и в этом случае опрошиваемые были склонны признавать «Дрифтером» ту лодку, которая способна держаться на воде. Полученные результаты практически совпали с предыдущим опросом: $m = 3,74$ и $\sigma = 2,16$, если функциональность не указывается; $m = 2,78$ и $\sigma = 2,0$, если функциональность сохраняется у отреставрированной лодки; $m = 4,85$ и $\sigma = 1,91$, если функциональность сохраняется у лодки, восстановленной из старых частей.

После серии дополнительных модификаций предлагаемых заданий Роуз приходит к окончательному выводу, что в обыденном сознании вопрос о сохранении идентичности объекта напрямую связан с вопросом о сохранении его свойств и функций, идет речь об артефактах, живых организмах или неорганических веществах (Rose, 2015, p. 113). Этот подход, по мнению Роуза, насыщен определенными метафизическими идеями о целенаправленности природы, поэтому в серьезных философских спорах о природе идентичности идеи обычных людей не должны восприниматься серьезно, а «дискуссия о сохранении идентичности материальных объектов должна быть освобождена от необходимости соотноситься с интуициями обыденного сознания» (Rose, 2015, p. 124).

Другой пример, который мы предлагаем рассмотреть, — коллективное исследование группы ученых из Бразилии, Индии, Японии и США, в котором анализировались различия в понимании «знания» у разных народов (Machery, Stich, Rose, 2017). Основой для исследования стала знаменитая работа Эдмунда Геттиера, в которой рассматривались ситуации, когда некто на каком-то основании обладал уверенностью в некотором положении дел, которое лишь случайно оказывалось истинным. Тогда, по мнению автора, возникал казус обоснованного истинного мнения, которое, очевидно, не являлось знанием («*It is clear that Smith does not know...*» (Gettier, 1963, p. 122)).

Вопрос, который здесь возникает, — насколько уверенным может быть философ, утверждая «очевидность» того, что в этих ситуациях речь не идет о знании? Не получается ли, что философ опирается на некоторое предварительное понимание того, что есть знание, коренящееся в обыденном сознании? А мы

уже видели ранее, что эпистемические концепты (в том числе «знание») могут иметь разное применение в разных культурах и у разных народов. Однако предыдущие исследования проводились преимущественно в США с использованием английского языка. Новое исследование поставило своей целью изучить, как оцениваются ситуации, рассмотренные Геттиером, не просто людьми разной этнической принадлежности, а людьми, укорененными в разных языковых культурах.

В опросе, который проводился в четырех странах, приняли участие более 500 человек. Им было предложено оценить четыре истории с точки зрения того, идет здесь речь о знании или нет. Из них две истории были «случаями Геттиера», а две — контрольными.

В первом «случае Геттиера» речь шла о мужчине, Поле Джонсе, чья жена не вернулась вечером домой. Он звонит в одну из больниц и узнает, что к ним поступила пациентка Мэри Джонс после автомобильной аварии. Он думает, что это его жена. Однако это другая женщина, а его жена в действительности находится в другой больнице с сердечным приступом. Вопрос ставился о том, знает ли Пол, что его жена находится в больнице.

Во втором «случае Геттиера» офисный работник Люк работает с двумя коллегами, Виктором и Моникой. Виктор хвастается, что планирует поехать в отпуск в Лас-Вегас, а после отпуска показывает фотографии на фоне казино. Однако Виктор всех ввел в заблуждение и сфабриковал фотографии, а в Лас-Вегас тайком от всех съездила Моника. Вопрос ставился о том, знает ли Люк, что один из его коллег съездил в Лас-Вегас.

В контрольных случаях описывались ситуация истинного знания (человек видит красный стол и думает, что это красный стол) и ситуация ложного мнения (женщина примеряет бриллианты, думая, что это бриллианты, а на самом деле это подделка из циркония). От опрашиваемых ожидалось, что первую ситуацию они однозначно охарактеризуют как «знание», а вторую — как «отсутствие знания».

Чтобы различить ситуации, когда знание оценивается с точек зрения носителя мнения и соответствия этого мнения реальному положению дел, в опрос включили следующие два вопроса: (1) «Знает ли X , что P ?» (варианты ответов: «Да, знает», «Нет, не знает») и (2) «С вашей точки зрения, какое высказывание лучше описывает ситуацию главного героя: “ X знает, что P ” или “ X думает, что знает, что P , хотя на самом деле не знает”?» Измеряемая в первом случае величина обозначалась как «Знание 1», во втором — «Знание 2».

В целом было показано, что испытуемые из самых разных культур в значительной степени трактуют «случаи Геттиера» как «отсутствие знания» (процент указавших, что « X на самом деле не знает, что P », варьируется от 85% до 95% в примере с госпиталем и от 65% до 82% в случае с путешествием). При этом была выявлена особенность в ответах участников из Индии. В их случае существует заметная разница между ответами на вопросы типа «Знание 1» и «Знание 2» в «случаях Геттиера». На прямой вопрос о том, «знает ли X , что P », более 60% участников отвечало утвердительно. Тогда как на вопрос, какое высказывание лучше описывает ситуацию, только 14% соглашалось с тем, что

«*X* знает, что *P*» в ситуации с госпиталем и чуть более 32% — в ситуации с путешествием. По мнению авторов исследования, здесь проявилась трудность перевода понятий «знание» и «мнение» на бенгальский язык и на санскрит, поскольку используемые при переводе слова могут иметь несколько иное лексическое значение, то есть описывать при помощи одного термина ситуации, которые в западных языках будут терминологически различаться (Machery, Stich, Rose, 2017, p. 652).

Однако найденные культурные особенности не меняют общего вывода, к которому приходят авторы: во всех культурах присутствует то, что можно назвать «интуицией Геттиера». Это указывает на то, что знание не может быть описано как «обоснованное истинное мнение»; кроме обоснованности должны быть какие-то дополнительные компоненты, отличающие истинное знание от мнения, которое случайно оказалось истинным. Это повсеместно присутствующее понимание отличия знания от истинного мнения может быть элементом базовой эпистемологии обыденного сознания (*core folk epistemology*), врожденной и универсальной, изучению которой должны быть посвящены дальнейшие исследования экспериментальной философии.

Как мы видим, представленные работы приходят к диаметрально противоположным выводам. В первом случае интуиции обыденного сознания были признаны несущественными для споров, которые ведут философы: они сами по себе выражают определенную онтологию, которая в философии должна быть поставлена под сомнение. Во втором случае авторы с большим оптимизмом смотрят на философскую значимость обыденных интуиций о том, что представляет из себя «знание»: представители самых разных культур демонстрируют одинаковую способность проводить важное эпистемическое различие между «знанием» и «истинным мнением», что может свидетельствовать об оправданности основания философами своих рассуждений на интуитивной ясности этого различия. Схожей, однако, остается техника, которую используют представленные нами исследователи. Ключевая роль в них отводится вымышленным образным ситуациям — «мысленным экспериментам», — которые используются здесь не как аргумент в философском споре, а как условие для выявления особенностей обыденного мышления, где нет места детальному анализу понятий или прояснению языковых выражений.

Заключение: критический анализ

Существование экспериментальной философии представляет собой вызов, брошенный традиционной философии, которая стремится отстаивать специфику своих аргументов и их независимость от каких-либо экспериментальных исследований. Опросный подход к философии не лишен недостатков. Методика экспериментальной философии строится на предположении, что понимание философских концептов, которое свойственно обычным людям, лишенным экспертного знания в области философии, может быть релевантным для философского сообщества. Однако обращение к опросам для решения философских проблем можно сопоставить с попыткой разобраться с тем, что такое добродетель, про-

водя «опросы» среди жителей Афин. Мы хорошо знаем, что те «опросы», которые проводил Сократ, приводили лишь к выявлению, что обыденное понимание добродетели лишено ясности и четкости. Чтобы разобраться с неясными и запутанными мнениями обыденного сознания по этому поводу, требуется особое усилие мысли, которое и демонстрировал Сократ перед глазами изумленной афинской публики.

Сторонники экспериментальной философии могли бы возразить, что они не пытаются получить верные и адекватные определения философских концептов, основываясь на мнении людей, далеких от философии. В их задачу входит скорее критика тех интуиций, на которые опираются философы при получении выводов из мысленных экспериментов. Здесь предполагается, что апелляция к некоторой «очевидности», на которую указывает мысленный эксперимент, не зависит от уровня философской компетентности того, кому он предложен для выполнения. Используя мысленный эксперимент в качестве аргумента, философ опирается на те универсальные представления о предмете обсуждения, которые являются общими для философских теорий и обыденного сознания и без которых философская теория будет лишена реального содержания.

Безусловно, сложно отрицать, что философия не разрабатывает свои понятия в вакууме, и если мы хотим получить адекватную философскую теорию знания, справедливости или идентичности, то они не могут быть диаметрально противоположны тем содержаниям, которые обыденный язык пытается выразить при помощи этих понятий. Но было бы опрометчиво придавать слишком большое значение тому, что кажется очевидным на обыденном уровне. Характерным примером может служить здесь парадокс Монте Холла. Описание ситуации, в которой возникает этот парадокс, тоже представляет собой мысленный эксперимент. Нам предлагают представить ситуацию игры, когда участнику нужно сделать выбор между тремя закрытыми дверьми, за одной из которых находится автомобиль, а за двумя другими стоит по козе. После того как выбор сделан, ведущий открывает одну из оставшихся дверей, за которой находится коза. Спрашивается, будет ли рациональным после этого отказаться от первоначального выбора и предпочесть вторую оставшуюся дверь? Если мы будем проводить опрос среди произвольно отобранных людей, то большинство из них будут следовать той интуиции, что вероятность найти автомобиль среди оставшихся дверей одинакова. Однако строгий расчет показывает, что это неверно: вероятность найти автомобиль за той дверью, которая не была изначально выбрана, в два раза больше. В этой ситуации то, что кажется интуитивно очевидным, является ложным и опровергается построениями, которые опираются на строгую теорию.

Кроме этого, сомнительным кажется и то, что используемая в опросах техника может быть в полной мере признана мысленным экспериментом. Хотя сохраняется видимость единой формы, функции, которые выполняют вымышленные истории в опросах, столь отличаются от функций мысленных экспериментов в философской литературе, что их трудно признать единым явлением. Ведь сама по себе вымышленная история — только предлог для некоторой операции мышления. По большей части даже неважно, является эта история

вымышленной или реальной: значимо то, чему служит ее изложение. Экспериментальная философия использует вымышленные истории как некоторые ситуации, которые требуют от читателя некоторого однозначного ответа (идет ли здесь речь о знании? какой объект является «тем самым»? и т. п.) Размышления, которые приводят отвечающего к выбору ответа, сомнения, которые у него возникают, или озарения, которые приходят ему в голову, оказываются вне поля зрения экспериментальной философии. Вымышленные истории в рамках философской аргументации должны привести к совершенно другому эффекту: при знакомстве с примером у читателя должен произойти сдвиг в понимании. Мысленный эксперимент заключается в том, что прошедший через него уже не может придерживаться прежних взглядов или должен выработать аргументацию, направленную против процедуры проведенного мысленного эксперимента. Объект экспериментирования в философском мысленном эксперименте находится вне самой описанной истории. Мы осмелимся предположить — и пусть это будет вопрос для дальнейшей дискуссии, — что этим объектом является сама философская позиция читателя, которая в процессе знакомства с предложенным мысленным экспериментом должна подвергнуться трансформации или быть отвергнутой (то есть стать более осознанной). Но поскольку в опросах экспериментальной философии философская позиция участника не трансформируется, а фиксируется, этот процесс может быть признан лишь социологическим измерением, но никак не мысленным экспериментом в философском смысле.

Таким образом, можно прийти к заключению, что экспериментальная философия находится еще дальше от философии, чем это может показаться на первый взгляд. Ее методы не являются философскими (ни в какой степени), а результаты, к которым она приходит, могут быть приняты в философии лишь с существенными оговорками. Однако эти исследования позволяют нам многое понять о мировоззрении и базовых философских концептах различных социальных и национальных групп, что, несомненно, накладывает новые требования на построение универсальных онтологических и эпистемологических теорий в рамках «кабинетной» философии.

Список литературы

- Галллей Г.* Беседы и математические доказательства, касающиеся двух новых отраслей науки // Сочинения. Т. 1. — М.; Л., 1934.
- Дроздова Д. Н.* Экспериментальная философия 2.0: новое вино в старых мехах? // Философия и наука: проблемы соотношения. Алёшинские чтения — 2016 : матер. междунар. конф. — М., 2016.
- Мах Э.* Умственный эксперимент // Познание и заблуждение. Очерки по психологии исследования. — М., 1909.
- Поппер К.* Об употреблении и злоупотреблении мысленными экспериментами, особенно в квантовой теории // Логика научного исследования. — М., 2005.
- Филатов В. П.* Мысленные эксперименты в науке и философии // Эпистемология & философия науки. — М., 2010. — Т. XXV. — С. 5–15.

- Brown J. R.* The Laboratory of the Mind: Thought Experiments in the Natural Sciences. — London; NY, 2005.
- Gettier Across Cultures / E. Machery, S. Stich, D. Rose, A. Chatterjee, K. Karasawa, N. Struchiner, S. Sirker, N. Usui, T. Hashimoto // *Nous*. — 2017. — Vol. 51.
- Gettier E. L.* Is Justifies True Belief Knowledge? // *Analysis*. — 1963. — Vol. 23. — P. 121–123.
- Ludwig K.* Thought Experiments and Experimental Philosophy // *The Routledge Companion to Thought Experiments* / ed. by M. T. Stuart, Y. Fehige, J. R. Brown. — NY, 2017.
- Rose D.* Persistence through Function Preservation // *Synthese*. — 2015. — Vol. 192.
- Sorensen R. A.* Thought Experiments. — NY; Oxford, 1992.
- Szabó Gendler T.* Thought Experiment: On the Power and Limits of Imaginary Cases. — NY; London, 2000.
- Thomson J. J.* A Defense of Abortion // *Philosophy & Public Affairs*. — 1971. — Vol. 1. — P. 47–66.
- Thomson J. J.* The Trolley Problem // *The Yale Law Journal*. — 1985. — Vol. 94. — P. 1395–1415.
- Weinberg J. M., Nichols S., Stich S.* Normativity and Epistemic Intuitions // *Philosophical Topics*. — 2001. — Vol. 29. — P. 429–460.

Об авторе

Дарья Николаевна Дроздова — кандидат философских наук, доцент Школы философии факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, ddrozdova@hse.ru.

Thought Experiments in Contemporary Experimental Philosophy

Daria N. Drozdovaⁱ

ⁱNational Research University National Research University Higher School of Economics
Moscow

Abstract: Thought experiments are widely used nowadays in science and philosophy. Philosophical thought experiments can be distinguished from those spread in science for their critical and problematizing function. They can be described as fictional situations which are employed in order to criticize our use of philosophical concepts, make analogies, raise new questions, demonstrate limits of our theories. These fictional situations have a core function in survey technique used by modern experimental philosophy (x-phi), a recent movement which aim is to study folk philosophical intuitions by empirical methods. In the paper we are going to analyze methodological strategies of experimental philosophy. We are going to demonstrate that the use of fictional situations in survey not only have a little relevance for philosophical understanding of ontological and epistemological concepts, but barely can be compared to thought experiments.

Keywords: experimental philosophy, thought experiment.

References

- Brown, J. R. (2005). *The Laboratory of the Mind: Thought Experiments in the Natural Sciences*. London; NY.
- Drozdova, D. (2016). “Eksperimental’naya filosofiya 2.0: novoe vino v staryh mekhah [Experimental philosophy 2.0: new wines into old wineskins?]” *Filosofiya i nauka: problemy sootneseniya. Alyoshinskie chteniya – 2016 [Philosophy and Science: Problems of correspondence] / Ed. by T. Shiyan*.
- Filatov, V. (2010). “Myslennyye eksperimenty v nauke i filosofii [Thought experiments in science and philosophy]”. *Epistemologiya & filosofiya nauki [Epistemology & Philosophy of Science]*, vol. XXV, pp. 5–15.
- Galieli, G. (1934). “Besedy i matematicheskie dokazatel’sтва, kasayushchiesya dvuh novykh otraslej nauki [Discorsi e Dimostrazioni Matematiche Intorno a Due Nuove Scienze (1638)]”. In: *Sochineniya [Writings]*. Vol. 1. Moscow–Leningrad: GTTI.

- Gettier, E. L. (1963). “Is Justifies True Belief Knowledge?” *Analysis*, vol. 23, pp. 121–123.
- Ludwig, K. (2017). “Thought Experiments and Experimental Philosophy”. *The Routledge Companion to Thought Experiments*. Ed. by M. T. Stuart, Y. Fehige, and J. R. Brown.
- Mach, E. (1909). “Umstvennyj ehksperiment [Thought experiment]”. In: *Poznanie i zabluzhdenie. Ocherki po psihologii issledovaniya [Knowledge and error. Essays on scientific psychology]*. Moscow.
- Machery, E., Stich, S., Rose, D., Chatterjee, A., Karasawa, K., Struchiner, Noel, Sirker, Smita, Usui, Naoki, and Hashimoto, Takaaki (2017). “Gettier Across Cultures”. *Nous*, vol. 51.
- Popper, K. (2005). “Ob upotreblenii i zloupotreblenii myslennymi ehksperimentami, osobenno v kvantovoj teorii [On the Use and Misuse of Imaginary Experiments, Especially in Quantum Theory]”. In: *Logika nauchnogo issledovaniya [The Logic of Scientific Discovery]*. Moscow.
- Rose, D. (2015). “Persistence through Function Preservation”. *Synthese*, vol. 192.
- Sorensen, R. A. (1992). *Thought Experiments*. NY; Oxford.
- Szabó Gendler, T. (2000). *Thought Experiment: On the Power and Limits of Imaginary Cases*. NY; London.
- Thomson, J. J. (1971). “A Defense of Abortion”. *Philosophy & Public Affairs*, vol. 1, pp. 47–66.
- (1985). “The Trolley Problem”. *The Yale Law Journal*, vol. 94, pp. 1395–1415.
- Weinberg, J. M., Nichols, S., and Stich, S. (2001). “Normativity and Epistemic Intuitions”. *Philosophical Topics*, vol. 29, pp. 429–460.

About author

Daria Nikolaevna Drozdova, Doctor of Philosophy, Assistant Professor, School of Philosophy of Faculty of Humanities, National Research University National Research University Higher School of Economics ddrozdova@hse.ru.